

съ высокой спинкой; ноги ея, покрытыя пледомъ, стояли на скамейкѣ. Ей казалось на видъ лѣтъ не больше сорока—худое, совсѣмъ желтое лицо съ правильными чертами, совершенно такими, какъ у дочери: тотъ же овалъ, та же сохранившаяся красивость ноздрей, тотъ же подбородокъ и даже такіе же городки еще не сѣдыхъ волосъ на лбу.

Разительное сходство съ матерью, въ первое же посѣщеніе, кольнуло Зину, и она должна была сознаться, что Рынинъ не даромъ язвилъ ее когда-то, намекая на ея кордебалетный типъ.

Голову Расшивиной, еще красивую и по очертаніямъ черепа, покрывала накладка изъ чернаго тюля съ кружевцами; — на худомъ, почти костлявомъ станѣ, довольно еще стройномъ, лежали правильныя складки капота изъ свѣтлаго кретона. Вся она очень опрятно держалась. — И въ комнатѣ не было ни пыли, ни тряпокъ, ничего лишняго. Мебель—еще недавно нарядная, репсовая, перенесенная изъ квартиры съ просторными комнатами. По двумъ стѣнамъ множество фотографическихъ карточекъ, въ двухъ простѣнкахъ—два большихъ портрета, также фотографическихъ: одинъ мужской—рѣзкій брюнетъ въ военномъ сюртукѣ, съ густыми эпюлетами; другой—сама Людмила Мироновна декольтѣ, въ балетномъ платьѣ, въ цвѣтахъ и въ тюникахъ, и съ вуалемъ на головѣ, лѣтъ уже за тридцать.

За печкой стояла кровать, отдѣленная ширмами съ малиновой тафтой, краснаго дерева.

Зина окинула тревожнымъ, сухимъ взглядомъ обѣихъ подругъ и подумала: не выдалъ ли ее Лукашинъ, не послалъ ли матери депешу о ихъ посѣщеніи? Потомъ выбрала себя: зачѣмъ она сама такъ неосторожно разлетѣлась, не дала матери знать о томъ, въ которомъ часу она будетъ у нея? Вѣдь она могла, все черезъ того же Лукашина, передать матери, что желаетъ найти ее одну... а не при какихъ-то „*drôlesses*“ — такъ она мысленно выразилась.

Когда кухарка вбѣжала, увидавъ Зину у калитки, и крикнула Людмилѣ Мироновнѣ: „барышня идутъ!“ — Расшивина заволновалась, но вдругъ ей стало пріятно, что вотъ ея подруги увидятъ, какова у нея дочка; онѣ давно знали, что она ждетъ въ Москву дочь съ зятемъ. — Передъ самымъ входомъ Зины въ спальню матери, Людмила Мироновна выхваляла Рынина, восхищалась красотой дочери; а про своего Ногайцева раза два сказала: — Отъ Мартышки нашего, сами знаете, чего же ждать путнаго! — Вотъ онъ теперь выздоровѣлъ, говорятъ, и опять закупить... и опять хоть въ богадѣльню кандидатомъ.

— Зинущка! — встрѣтила она дочь, и хотѣла-было привстать.